

RU

Глагол “seem” и его переводные эквиваленты в немецком и русском языках как маркеры категории кажимости

Евсеева Е. Ю., Карпухина Т. П.

Аннотация. Статья посвящена сравнению глаголов типа «казаться» в английском, русском и немецком языках для конкретизации значений глагола “seem”. Цель исследования – выявить особенности реализации категории кажимости в переводческих эквивалентах глагола “seem” путем сопоставления романного текста «Машины времени» Г. Уэллса на трех языках. Научная новизна состоит в уточнении особенностей семантики глагола “seem” в связной речи, для чего используются английский оригинал и тексты переводов на немецкий и русский языки. Полученные результаты показали, что для перевода “seem” используются четыре стратегии, иногда дополняющие друг друга: 1) перевод кажимостным (конгруэнтным) глаголом; 2) заменой лексической единицей, подчеркивающей одно из контекстуально актуализируемых значений “seem” – личное мнение, оценку достоверности знания, неопределенность, сравнение, перцепцию, приблизительность, логический вывод, апелляцию к «чужому слову» др.; 3) опущением кажимостного глагола со сменой модальности на достоверную или с контекстуальной компенсацией кажимости в динамических и эмоциональных контекстах; 4) синтаксической заменой со значением субъективности. Доминантна стратегия перевода конгруэнтным кажимостным глаголом, составившая 72,5% соответствий в немецком переводе и 65% – в русском.

EN

The verb “seem” and its translation equivalents in German and Russian as markers of the category of seeming

E. Y. Evseeva, T. P. Karpukhina

Abstract. The article is dedicated to the comparison of “seem”-type verbs in English, Russian, and German to specify the meanings of the verb “seem”. The aim of the study is to identify the features of the realization of the category of seeming in translation equivalents of the verb “seem” by comparing H. G. Wells’ novel “The Time Machine” in three languages. The scientific novelty consists in clarifying the features of the semantics of the verb “seem” in connected speech, for which the English original and texts of translations into German and Russian are used. The results obtained showed that four strategies are used to translate “seem”, sometimes complementing each other: 1) by a seeming (congruent) verb; 2) by replacing with a lexical unit that emphasizes one of the contextually actualized meanings of “seem” – personal opinion, assessment of the reliability of knowledge, uncertainty, comparison, perception, approximation, logical conclusion, appeal to “another’s word”, etc.; 3) by omitting the seeming verb with a change of modality to reliable or with contextual compensation of seeming in dynamic and emotional contexts; 4) by syntactic substitution with the meaning of subjectivity. The dominant strategy is the translation by a congruent seeming verb, which accounted for 72.5% of correspondences in German and 65% in Russian.

Введение

В статье анализируется вербализация категории кажимости в научно-фантастическом романе Г. Уэллса “*The Time Machine*” и его переводах на русский и немецкий языки. Особое внимание уделяется «кажимостным» глаголам – английскому “seem” и его переводным эквивалентам – немецкому “(er)scheinen”, русскому «(но)казаться».

Актуальность обусловлена необходимостью выявления специфики глаголов типа «казаться» (“seem-type verbs”) на материале разносистемных языков. Данные глаголы проблемны с точки зрения их теоретического осмысления: ведется полемика об их принадлежности «эпистемической модальности» и «эвиденциальности» (Aijmer, 2009; Usonienė, Šinkūnienė, 2013; Lampert, 2020). В отечественном языкознании глаголы типа «казаться» рассматриваются как репрезентативные единицы категории кажимости (Арутюнова, 1999; Семенова, 2006;

Хельмянова, 2012), которая нуждается в более тщательной разработке, особенно в германистике. В связи с тем, что семантика кажимостных глаголов обусловлена контекстом, выходя за рамки словарной дефиниции, требуется анализ актуализируемых значений в зависимости от прагматической установки автора, жанра и типа текста. Переводческий анализ глаголов типа «казаться» показал свою результативность на материале авторской сказки (Трошина, 2007) и корпусных данных (Aijmer, 2009; Usonienė, Šinkūnienė, 2013). Представляется актуальным применение перевода в качестве уточнения контекстуального значения глагола “*seem*” в научно-фантастическом романе, ярким представителем которого является «Машина времени» Г. Уэллса.

В общетеоретическом смысле исследование категории кажимости позволяет глубже проникнуть в вопросы категоризации и концептуализации знания инструментарием разных языков. В центре внимания работы находится глагол “*seem*”, как единица категории кажимости, чьи культурно-специфические и универсальные черты усматриваются наиболее отчетливо в сравнении с переводными эквивалентами. Релевантным представляется выявление закономерностей и причин модификации или утраты кажимостной окрашенности высказывания в переводе, что даст возможность раскрыть особенности рассматриваемой категории в английском, немецком и русском текстах.

В задачи исследования входит 1) рассмотреть историю исследования, дефиниции и особенности сочетаемости глаголов, составляющих ядро кажимости в каждом из языков; 2) подсчитать количество глаголов “*seem*”, “*scheinen*”, «казаться» в тексте анализируемого романа и его переводов; для последующей оценки и сравнения представленности кажимостных глаголов в сопоставляемых переводах (количество выступает как измеримый, адекватный параметр оценки); 3) рассмотреть случаи «конгруэнтных» и «неконгруэнтных» переводческих решений (т. е. перевод “*seem*” не словами «казаться», “*scheinen*”); 4) обосновать возможные причины замен и опущений, учитывая контекст и лексическое значение глаголов-соответствий; 5) сравнить и обобщить полученные данные о кажимостных глаголах в русском, немецком и английском текстах.

Теоретической основой исследования выступили работы по проблеме категории (Болдырев, 2018) и, в частности, категории кажимости (Арутюнова, 1999; Семенова, 2006; Хельмянова, 2012; Каверина, 2011; Сеницына, 2017); статьи по вопросу отражения системно-языковых различий в переводе (Трошина, 2007; Уржа, 2022; 2023); изыскания в области природы переводческого текста и типов переводческих стратегий (Бархударов, 1975; Нестеренко, 2012); труды, посвященные статусу и особенностям глаголов “*seem*” (Aijmer, 2009; Usonienė, Šinkūnienė, 2013; Lampert, 2020), «казаться» (Хельмянова, 2012; Арутюнова, 1999), “*scheinen*” (Pafel, 1989; Baschewa, 2019; Diewald, Smirnova, 2010; Mortelmans, 2016; Шакирова, 2008).

В качестве эмпирического материала исследования используются контексты с глаголом “*seem*” из оригинального английского текста романа “*The Time Machine*” Г. Уэллса, а также их перевод Ф. П. Грива (F. P. Grieve) на немецкий язык и К. А. Морозовой на русский язык по изданиям:

- Wells H. G. *The Time Machine and Other Works with an Introduction and Notes by L. Davies*. Hertfordshire: Wordsworth Classics, 2017.

- Wells H. G. *Die Zeitmachin / Deutsch von F. P. Grieve*. Westf.: J. C. C. Bruns Verlag, 1900.

- Уэллс Г. *Машина времени; Остров доктора Моро; Человек-невидимка*. СПб.: СП Паллада ПЭК, 1992.

Для уточнения дефиниций и значения лексем использовались данные этимологических и толковых словарей на русском, английском и немецком языках:

- Collins Dictionary / ed. by G. Breslin, I. Brookes, R. Groves, A. Holmes. 11th ed. Glasgow: HarperCollins, 2011 (CD).

- Duden. *Das Bedeutungswörterbuch: in 12 Bdn.* / red. K. Kunkel-Razum, A. Konopka et al. Auflage 4. Mannheim: Dudenverlag, 2010. Bd. 10 (DDB).

- *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in 6 Bdn.* / R. Klappenbach und H. Malige-Klappenbach. Berlin: Akademie Verlag, 1980. Bd. 2 (WDDG).

- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фраз. выраж.* Изд. 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999 (ТСРЯ).

В работе нашли применение следующие методы исследования. Сопоставительный анализ использовался для сравнения языкового материала и нахождения сходств и различий между оригинальным и переводными текстами. Контекстуальный анализ позволил выявить различия в значении единиц, учитывая их языковое окружение. С помощью лексикографического анализа уточнялась семантика анализируемых глаголов. Благодаря количественному анализу, интерпретации и группировке были выделены типы и подтипы «переводных эквивалентов», установлен состав входящих элементов. Обобщение позволило сделать выводы на основе исследованного текстового материала.

Теоретическая значимость состоит в рассмотрении категории кажимости в сравнительно-сопоставительном ключе на материале разноструктурных языков для установления универсальных и лингво-специфических черт глаголов типа «казаться».

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования при написании пособий, статей, выпускных квалификационных работ в сфере сравнительно-сопоставительного языкознания, перевода, синтаксиса, стилистики.

Обсуждение и результаты

Понятие категории кажимости и «кажимостного» глагола

В настоящий момент интерес германистов привлекают глаголы типа «казаться» – “*seem-type verbs*”. В этот разряд включают английские “*seem, appear*” (Aijmer, 2009; Usonienė, Šinkūnienė, 2013); немецкие “*scheinen*”,

erscheinen” (Baschewa, 2019); русский «казаться/казать/показать» и др. Данные глаголы рассматриваются как эвиденциально-эпистемические (Lampert, 2020, p. 10), квалифицируя высказывание как с точки зрения надежности «достоверности» познания (эпистемическая модальность), так и с точки зрения источника знания (категория эвиденциальности), а также в рамках понятия «категория кажимости» (Арутюнова, 1999; Семенова, 2006; Каверина, 2011; Хельмянова, 2012; Карпухина 2024a; 2024b; 2024c; Евсеева, 2024; Войславова, 2024).

Знания об окружающем мире и самом человеке закрепляются в нашем сознании в рамках мыслительных и языковых категорий. Устройство категорий языка и функционирование языковых единиц в речи показывает механизмы освоения, преобразования, хранения знания человеком. Языковая категория трактуется как форма когнитивной организации знания, порождающаяся сравнением, обобщением и классификацией (Болдырев, 2018, с. 108, 110, 111, 117).

«Кажимость» демонстрирует оценку достоверности знания говорящим и, являясь категорией «познавательно-оценочной», «антропоцентрической», «эпистемической», маркирует недостаточность знания, субъективизм и «чужое слово» (Семенова, 2006, с. 14, 60, 61). Кажимость «сталкивает» внутренний мир человека и мир реальности, из-за чего достигнутое знание оценивается как сомнительное, фрагментарное, искаженное и ненадежное (Хельмянова, 2012, с. 114). Ориентация на говорящего придает кажимости статус «модусной (интерпретирующей) категории» (термин Н. Н. Болдырева) (Каверина, 2011, с. 29, 30).

Функциональный подход трактует кажимость как поле, содержащее лексико-фразеологические компоненты с семами «мнимая реальность», «отклонение от реальности» (Войславова, 2024, с. 45). В числе характерных признаков кажимости – двуплановость, ситуация наблюдения, тесная связь с чувственно-образным познанием, близость сомнению и неопределенности (Арутюнова, 1999, с. 834, 846).

Будучи эпистемической категорией, кажимость включена как в эмпирический (чувственный), так и интеллектуальный (рациональный) уровни познания (Карпухина, 2024b, с. 2298). Возникновение ощущения, будто что-то кажется, связано с наличием внешних (туман, темнота, специфические свойства объекта и пр.) и внутренних (личное убеждение, болезнь, сон, искаженное воспоминание и проч.) «помех» и преград (Шакирова, 2008, с. 228, 229; Арутюнова, 1999, с. 834).

Кажимостные глаголы в русском, английском и немецком языках

Сопоставление словарных дефиниций “*scheinen/erscheinen*”, “*seem*”, «(no)казаться» обнаруживает сходства на семантическом и синтаксическом уровнях. Выделяют такие общие черты этих глаголов, как отношение к эпистемической и эвиденциальной модальности, многозначность, контекстуальная обусловленность значения, склонность к грамматикализации, функционирование в роли связки (Usonienė, Šinkūnienė, 2013, p. 286; Mortelmans, 2016, p. 121; Aijmer, 2009, p. 65). Вместе с тем имеется ряд лингво-специфических и семантико-синтаксических черт в сочетаемости, семантике и частотности употребления (Mortelmans, 2016, p. 122).

“Seem” как кажимостный глагол

Английский глагол “*seem*” полисемичен, специфицируя от 2 до 5 значений (Трошина, 2007, с. 118). Словарь *Collins Dictionary* выделяет три нумерованных значения “*seem*”: “1. (copula) to appear to the mind or eye; look; 2. to give the impression of existing; appear to be; 3. used to diminish the force of a following infinitive to be polite, more non-committal” (CD, 2011, p. 1484). / «1. (связка) явиться уму или зрению; выглядеть; 2. создавать впечатление существования; казаться; 3. используется для того, чтобы уменьшить силу последующего инфинитива из-за вежливости или уклончивости» (здесь и далее перевод автора статьи. – Е. Е.). “*Seem*” предстает как маркер кажимости в каждом из специфицированных значений, отражая двойственность, неопределенность и субъективность.

“*Seem*” занимает промежуточное место между фактуальностью и фиктивностью, реальностью и внешнестью. Глагол демонстрирует, что и истина, и ложь – две равнозначные возможности, реализующиеся только в речевом контексте посредством модальных слов с эпистемическим значением или возможностями синтаксиса (Lampert, 2020, p. 112, 115, 116).

Будучи «мультифункциональным глаголом», “*seem*” в контексте выражает эпистемические (нечеткое знание), эвиденциальные (указание на источник знания – логический довод, полагание), эвиденциально-эпистемические (ненадежное знание со спецификацией источника) значения. В литовском, польском и русском в качестве лексических замен “*seem*” выступают перцептивные и ментальные глаголы, эпистемические маркеры вероятности и приближенности, сравнительные конструкции со значением неопределенности и другие средства (Usonienė, Šinkūnienė, 2013, p. 300, 301, 297, 294).

В контексте значение “*seem*” зависит от синтаксической «рамки». Этот глагол способен указывать на слухи или «общедоступное знание», передавать впечатление говорящего от внешнего вида объекта, смягчать утверждение, «тактично» выражать возможность, нефактивность, ирреальность, неопределенность, приближенность, сходство, сравнение. Говорящий использует “*seem*” для «снятия с себя ответственности» за высказывание, если уверен в нем лишь «наполовину». “*Seem*” чаще всего сочетается с инфинитивом и прилагательным/причастием, реже вводя придаточные с союзами “*that*” / «что», “*as if*” / «как будто», “*like*” / «словно» или применяясь в обособленной конструкции (Aijmer, 2009, p. 64, 72, 75, 79).

“Scheinen/erscheinen” как кажимостные глаголы

Глагол “*scheinen*” вербализует «субъективный эпистемический статус» высказывания и «маркирует неполное знание», приобретенное в процессе чувственного восприятия (Шакирова, 2008, с. 228). Являясь глаголом

с модальным значением, “*scheinen*” квалифицирует параметр «фактичности» высказывания, т. е. оценку его достоверности говорящим (Baschewa, 2019, S. 27). Помимо этого, “*scheinen*” предстает как маркер непрямой эвиденциальности – он указывает на такие источники знания, как логический вывод субъекта и слухи («чужое слово») (Mortelmans, 2016, p. 125). Логический вывод может строиться не только на идейных, но и на перцептивных данных (Diewald, Smirnova, 2010, p. 182).

В семантической структуре “*scheinen*” выделяют два нумерованных значения: “1. *Licht ausstrahlen, Heligkeit von sich geben*; 2. *einen bestimmten Eindruck machen, einen bestimmten Anschein erwecken*” (DDB, 2010, S. 798). / «1. источать/излучать свет, блестеть; 2. создавать определенное впечатление, придавать вид». В первом значении “*scheinen*” не содержит категориальные признаки кажимости, но относится к группе глаголов «визуального эффекта» (Diewald, Smirnova, 2010, p. 178). Второе, кажимостное, значение предполагает переходность глагола, маркирует впечатление субъекта от внешнего облика предмета, иногда сопровождаемая указанием на наблюдателя в дательном падеже (“*es scheint mir/sie/ihm*” / «это кажется мне/ей/ему») (Diewald, Smirnova, 2010, p. 178, 179). В качестве синонимов “*scheinen*” выделяют слова “*anmuten*”, “*dünken*”, “*erscheinen*”, “*vorkommen*”, “*wirken*” (DDB, 2010, S. 798) / «казаться», «почудиться», «показаться», «представляться», «производить впечатление».

“*Scheinen*” имеет три варианта сочетаемости: 1) используется в главной (матричной) части сложного предложения и вводит придаточное изъявительное (с союзом “*dass*” / «что») или сравнительное (с союзами “*als*”, “*als ob*” / «будто», «как будто»); 2) вводит инфинитивную конструкцию с частицей “*zu*”; 3) вводит именную предикатив (существительное или прилагательное), где инфинитив усечен. Значение кажимости опирается на две роли: 1) роль носителя установки, т. е. наблюдателя, и 2) содержание установки (Pafel, 1989, S. 124, 125). Помимо этого, “*scheinen*” может функционировать в парентезе, т. е. в составе независимой конструкции, обособленной запятой, в середине или в финале предложения (Baschewa, 2019, S. 41, 42). Разница в сочетаемости “*scheinen*” указывает на различия в семантике (Pafel, 1989, S. 125). От контекста зависит степень конкретности и достоверности впечатления, выражаемого “*scheinen*”: он способен передавать как слабую, так и, наоборот, сильную степень убежденности субъекта (Diewald, Smirnova, 2010, p. 180, 182).

Кажимость в немецком языке также маркируется родственным глаголом “*erscheinen*”, в структуре которого выделяются 3 нумерованных значения. Первое значение некажимостное: “1a. *sich an einem Ort, an dem man erwartet wird, erfinden*; 1b. *sichtbar werden, auftauchen*” (DDB, 2010, S. 349). / «1a. обнаружиться, появиться на ожидаемом месте; 1b. стать видимым, явиться». Второе значение также не является кажимостным: “2. *(als Buch, Zeitung) heraus gebracht werden und in den Handel kommen*” (DDB, 2010, S. 349). / «(в качестве книги, газеты) поступить в торговлю, быть опубликованным». Только третье значение можно квалифицировать как кажимостное: “3. *einen bestimmten Eindruck auf jmdm. machen: sich anhören, anmuten, aussehen, dünken, scheinen, vorkommen, wirken, zu sein scheinen*” (DDB, 2010, S. 349). / «создавать определенное впечатление у кого-то: казаться». В отличие от “*scheinen*”, “*erscheinen*” имеет больший семантический объем, выступает как знаменательный глагол, не сочетается с инфинитивом (WDDG, 1980, S. 1135-1136).

«Казаться» как кажимостный глагол

В структуре глагола «казаться» выделяют четыре значения, как кажимостные, так и некажимостные. Первое значение акцентирует несоответствие внешнего и внутреннего аспектов объекта или ситуации: «иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление» (ТСРЯ, 1999, с. 259). Второе значение специфицировано как «безличная конструкция», синонимичная глаголу «представляться», который, в свою очередь толкуется как «явиться в мысли, в воображении» (ТСРЯ, 1999, с. 259, 582). Третье значение трактуется как вводную конструкцию, синонимичную «как будто» и «по-видимому», выражающую неуверенность или недовольство. В четвертом значении «кажется» понимается как частица со значением неуверенного подтверждения, особенно в диалоге. Данные словарной дефиниции позволяют разграничить кажимостные и некажимостные значения глагола. В сущности, «кажимостным» можно считать первое значение и, частично, значения 3 и 4, тогда как значение 2 связано с обнаружением, появлением, но не с двойственностью или неопределенностью.

В предложении «казаться» употребляется как: 1) полужнаменательная связка в составе сложного сказуемого с именным компонентом, т. е. копула («казалась забавна»); 2) вводный обособленный компонент со значением неуверенности («..., кажется/казалось, ...»); 3) сказуемое в главной части сложноподчиненного изъявительного предложения («казаться, что...»). Количественно доминирует использование глагола «казаться» как копулы (связки) (Хельмянова, 2012, с. 115). В отличие от с английского “*seem*” и немецкого “*scheinen*”, русский глагол не способен сочетаться с инфинитивом.

«Показаться» является формой совершенного вида и означает «2. появиться, стать доступным взору», «3. прийти куда-нибудь, появиться где-нибудь» (ТСРЯ, 1999, с. 259), что сближает его с немецким “*erscheinen*”.

Роман «Машина времени» в оригинале и в переводе

Переводной текст является результатом «трансформации текста на одном языке в текст на другом языке» (Бархударов, 1975, с. 6), он вторичен по отношению к оригиналу и стремится отразить его содержание наиболее полно. Невозможно требовать от переводного текста абсолютной идентичности, но в нем должен присутствовать определенный «инвариант» исходного речевого произведения. Основной причиной «потерь» или изменений выступает перенос «содержания» оригинала в текст, конструируемый иной языковой системой. Именно расхождения, а не сходства между оригиналом и переводом демонстрируют **системные различия в двух языках**, тогда как в речевом контексте они «нейтрализуются» (Бархударов, 1975, с. 9, 11, 15).

Опущение маркеров кажимости, существенно не изменяющее денотативный смысл, приводит к потере субъективной окрашенности высказывания, что влияет на смысл художественного текста. За счет сокращения кажимостных единиц изменяется динамика повествования, утрачивая эффект напряжения, создаваемого неопределенностью. По причине снижения количества «эгоцентрических единиц» (термин Е. В. Падучевой), т. е. единиц, относящихся к фигуре говорящего, модифицируется образ внутритекстового повествователя – его взгляд отдаляется от сознания персонажа. Неопределенность придает художественному миру «незаполненный», открытый характер, позволяя читателю вообразить и додумать неполные элементы. Снижение количества неопределенных единиц в тексте смыкает поле зрения читателя, оставляет меньше возможностей для сотворчества (Уржа, 2022, с. 88; 2023, с. 461; Арутюнова, 1999, с. 847, 849; Падучева, 2019, с. 17).

Передача английского глагола “*seem*” на иной язык зависит от прагматического настроя на форенизацию (сохранение инокультурного колорита) или доместикацию (приспособление к «домашней» норме принимающей культуры) текста, от личностных вкусов, идеологии и целей переводчика, избираемой переводческой стратегии, воспринимающей лингвокультуры и эпохи (Нестеренко, 2012, с. 6). Так, антонимический перевод и модуляция (замена) часто ведут к утрате или конкретизации кажимостного значения.

Частым случаем лексико-семантической замены “*seem*” является употребление глагола со значением достоверности в индикативе, особенно, если «показавшееся» явление позже подтверждается в тексте как истинное. В случае заблуждения, самообмана, лжи или ошибки перевод, наоборот, стремится к однозначному эквиваленту в виде «(по)казаться» (Трошина, 2007, с. 118, 120).

Научно-фантастический роман «Машина времени» повествует о приключениях гениального ученого и изобретателя, именуемого Путешественником, в мирах будущего. Движимый любопытством и стремлением к знанию, Путешественник перемещается на тысячи лет вперед, чтобы стать свидетелем триумфа человечества. К своему разочарованию, в 802 701 году он обнаруживает жалких потомков человека – беспечных элоев и хищных морлоков, живущих на обломках великой цивилизации. Видения более отдаленного будущего еще сильнее противоречат утопическим надеждам Путешественника, демонстрируя неуклонную «деградацию» не только разума, но и планеты.

Категория кажимости важна в повествовании Путешественника, выступая как средство выражения нечеткого суждения (Карпухина, 2024с, с. 2806, 2815). Для раннего творчества Г. Уэллса характерно использовать кажимостные единицы для репрезентации внутреннего конфликта героя, особенно для демонстрации разницы между ожиданием и реальностью (Карпухина, 2024а, с. 686; Евсеева, 2024, с. 2005). В «Машине времени» надежда Путешественника увидеть прогрессивное будущее мешает адекватному осознанию подлинного положения дел, вводя героя в заблуждение. Лишь после накопления знания, активной умственной деятельности и переживания внешней угрозы герой осознает, что оказался в противоположном мире – антиутопическом, опасном и регрессирующем (Suvín, 1973, p. 335).

Сопоставление кажимостных глаголов в тексте романа “*The Time Machine*” и его переводах

“*Seem*” используется в оригинальном английском тексте 80 раз. В немецком переводе прямой («конгруэнтный») эквивалент “*scheinen*” применялся 58 раз (72,5%), а в 22 (27,5%) случаях произошли лексико-грамматические и синтаксические замены (модуляция). В русском переводе глагол «(по)казаться» выступил как прямое соответствие “*seem*” в 52 контекстах (65%), для остальных 28 контекстов (35%) были свойственны лексические, синтаксические замены или опущение. В 44 случаях «(по)казаться» был добавлен там, где “*seem*” изначально не присутствовал, что привело к увеличению глагола «казаться» до числа 96 употреблений, что объясняется развитостью и доминирующим положением семантической категории неопределенности в русском языке (Уржа, 2023; Падучева, 2019). Анализ этих добавленных 44 употреблений в русском тексте не включен в данную статью.

Категория кажимости в немецком переводе «Машины времени»

Немецкий язык прибегает к четырем стратегиям перевода кажимостных значений: 1) использует ресурс собственных кажимостных глаголов “*scheinen/erscheinen*” или же однокоренное наречие “*scheinbar*” / «кажущийся» (доминирующий прием перевода); 2) применяет близкие синонимы “*scheinen*” – глаголы «субъективного знания», «представления» или «мнения»; 3) прибегает к опущению через замену глаголами «достоверности» в индикативе; 4) использует сослагательное наклонение. Количественно преобладают лексические способы перевода кажимостных значений.

Первая стратегия полно-эквивалентного перевода является доминантной: “*scheinen/schien*” является соответствием “*seem*” в 58 случаях; “*erscheien/erschien*” – в 9 случаях; прилагательное-derivat “*scheinbar*” / «кажущийся» – в 1 случае. Количественно преобладает глагол “*scheinen*”, стремящийся воспроизвести сочетаемость английского “*seem*”. Синтаксическое уподобление в виде «*scheinen + zu + инфинитив*» происходит в 25 случаях для перевода конструкции «*seem + to + инфинитив*», присутствовавшей 31 раз в оригинале. В такой связке действие или состояние модифицируется как кажущееся. Так, во время нападения врагов друг Путешественника, элой Уина, теряет сознание, но из-за темноты и отвлекающих факторов герой не способен с полной отчетливостью осознать, что произошло: “*She seemed to have fainted*” (Wells, 2017, p. 86; 87). / “*Sie schien ohnmächtig zu sein*” (Wells, 1900, S. 138). / «По-видимому, Уина лишилась чувств» (Уэллс, 1992, с. 78). Инфинитивная конструкция сохраняется, но изменяется ее аспектуальность: немецкий инфинитив “*ohnmächtig zu sein*” выражает

не предшествование, как совершенная форма английского *“have fainted”*, но актуальное состояние. В контексте романа неопределенность ситуации создает чувство тревоги и безнадежности: то ли видится обморок, то ли болезненный припадок, то ли смерть. Идея предшествования обморока немаловажна, подчеркивая рассеянность и промедление героя, оказавшееся для Уины фатальным.

Синтаксическое уподобление *«scheinen + прилагательное»* составило 20 случаев, тогда как в оригинале *«seem + прилагательное»* было употреблено 26 раз. В модусе кажимости прилагательное демонстрирует неуверенность наблюдателя в качестве или чувстве. Так, при побеге героя из подземелья от хищных существ, морлоков, его ощущение времени становится расплывчатым из-за паники и утомительного карабка по шаткой лестнице: *“That climb seemed interminable to me”* (Wells, 2017, p. 74). / *“Der Aufstieg schien mir endlos”* (Wells, 1900, S. 107). / «Подъем **показался** мне бесконечным» (Уэллс, 1992, с. 62). Представление о бесконечности лестницы ошибочно, так как Путешественник не только видел ее перед спуском, но и ощущал тактильно. Объективные факты уже таковыми не кажутся при воздействии эмоций, физической усталости и сенсорной депривации. В сочетании с прилагательным информация, которую транслирует кажимостный глагол, представляет собой непосредственные, субъективные и висцеральные ощущения героя, не основанные на рациональном логическом выводе (Usonienė, Šinkūnienė, 2013, p. 284).

В отношении 9 обособленных вводных конструкций *“as it seemed”* / *“it seemed”* немецкий проявил синтаксически полный изоморфизм. Идентичность пунктуации позволила сохранить суть парентезы как «встроенного» модусно-оценочного элемента: вводные слова и выражения разделяют предложение на две части, противопоставленные друг другу. Часть «до» обособленной конструкции фактивна и несет фоновую информацию. После вводного элемента следует часть модусная и нефактивная. В приводимом примере массивность и величина зданий будущего представлены как их актуальные атрибуты, но в субъективном представлении героя материал здания «газообразен», что противоречит ранее высказанной идее о монументальности сооружений: *“I saw great and splendid architecture rising about me, <...>, and yet, as it seemed, built of glimmer and mist”* (Wells, 2017, p. 44). / *“Ich sah große und glänzende Architektur um mich aufsteigen <...> und doch, wie es schien, aus Glimmern und Nebel gebaut”* (Wells, 1900, S. 36). / «Я видел, как вокруг меня проносились огромные сооружения чудесной архитектуры <...>, но они **казались** как бы сотканными из мерцающего тумана» (Уэллс, 1992, с. 24). Только благодаря «наслоению» пластов рационального суждения и воображаемого образа, в объекте соединяются противоположные свойства. Немецкий перевод синтаксически идентичен оригиналу, но в русском предложении осуществляется замена на связку «казаться» с причастием «сотканными», а союз «как бы» маркирует сослагательное наклонение, т. е. кажимостное значение передается иными синтаксическими средствами.

Конструкция *«scheinen + существительное»* проявляет меньшую степень синтаксического соответствия: она употребляется 4 раза, в отличие от *«seem + существительное»*, использованной 8 раз. В остальных четырех случаях передачи английской конструкции переводчик использовал глагол *“erscheinen”* с прилагательным (2 контекста), прилагательное *“scheinbar”* (1 контекст) и конъюнктив (1 контекст). В связке с существительным кажимостная единица ставит под вопрос существование предмета, феномена, лица или абстрактного явления. Так, смерть своего товарища из мира будущего, маленького и дружелюбного существа, Уины, представляется Путешественнику в ходе его выживания в мире будущего настоящей катастрофой. *“It seemed an overwhelming calamity”* (Wells, 2017, p. 90). / *“Es schien überwältigendes Unheil”* (Wells, 1900, S. 146). / «Это было **тяжко**» (Уэллс, 1992, с. 81). Позже, по возвращении в родной мир, горестное событие видится как нечто ирреальное, будто бы увиденное во сне. Кажимость не только ограничивает пространственно-временные отрезки «времени путешествия» и «времени повествования о путешествии», но и подчеркивает изменчивость и относительность воспоминаний: они могут сменять эмоциональную окраску, а их резкость – утрачиваться со временем. Заметим, что в английском и немецком языках идентична частеречная принадлежность комплементарной части: *“calamity”* / «бедствие», *“Unheil”* / «несчастье» – существительные. Русский перевод вводит замену в виде наречия «тяжко» и утрачивает кажимостное значение из-за индикатива глагола «быть».

Реже всего глагол *“seem”* был включен в главную часть сложного предложения с придаточным изъявительным (*“seem that ...”*), составив 6 употреблений. Немецкий перевод сохраняет структуру сложноподчиненного предложения в четырех случаях, а в двух – использует вводную обособленную конструкцию. В сложном предложении кажимостный глагол находится в главной «фактивной» части, а его значение распространяется на придаточное изъявительное. Как и вводная конструкция, сложное предложение разделяется на две части – одна из них отражает реальность (диктум), а другая – субъективное мнение и неопределенное впечатление (модус). В следующем примере мир будущего видится герою как регрессивный и упадочный: *“It seemed to me that I had happened upon humanity upon the wane”* (Wells, 2017, p. 53). / *“Mir schien, ich war zu der Menschheit in ihrem Untergang gekommen”* (Wells, 1900, S. 56). / «**Мне казалось, что** я вижу человечество в эпоху увядания» (Уэллс, 1992, с. 35). Наличие мнения – факт действительности, представленный в диктальной части предложения. Индивидуальная оценка составляет содержание подчиненной модусной части. Некатегоричная формулировка мнения допускает критику, побуждая слушателей Путешественника и внетекстового читателя к размышлению о критериях и причинах упадка человечества.

В группе «полнозначных» соответствий – глагол *“erscheinen”* занимает второе место по частотности, выступая эквивалентом *“seem”* 9 раз. *“Erscheinen”* не употребим с инфинитивом, сочетаясь преимущественно с прилагательными, существительными или со сравнительной конструкцией, вводимой союзом *“wie”* (WDDG, 1980, S. 1135-1136). В четырех случаях *“erscheinen”* использовался для передачи связки *«seem + прилагательное»*,

два раза – для именной копулы «*seem* + *существительное*», один раз – для инфинитивной конструкции. “*Erscheinen*” употребляется в контекстах, подчеркивающих «явление» мира для наблюдателя как нового и неизвестного. Герой, наблюдая во время путешествия за сменой эпох и цивилизаций, видит картину цветущего сада и, ожидая посетить мир красоты и гармонии, останавливает машину. “*Even through the veil of my confusion the earth seemed very fair*” (Wells, 2017, p. 45). / “*Selbst durch den Schleier meiner Verwirrung erschien mir die Erde sehr schön*” (Wells, 1900, S. 36). / «Даже сквозь дымку, окутавшую меня, зрелище **показалось** мне удивительно прекрасным» (Уэллс, 1992, с. 24). Хорошее первое впечатление оказывается обманчивым, так как при более тщательных изысканиях герой обнаруживает деградацию цивилизации, а также скрытые опасности и секреты.

“*Erscheinen*” фигурирует в контекстах, выражающих субъективное мнение говорящего, предположение или довод, выполняя функцию “*вежливого seem*” для того, чтобы тактично предвосхитить реакцию собеседника на сообщаемую историю. Переводчик толкует “*erscheinen*” как эквивалент “*seem*” с усиливающими «сомнение» модификациями в виде модальных глаголов “*may*”, “*will*”. “*It may seem strange, perhaps, that I had not noticed this before. But everything was so strange*” (Wells, 2017, p. 52). / “*Es mag vielleicht seltsam erscheinen, aber das war mir noch nicht aufgefallen. Doch alles war so fremd*” (Wells, 1900, S. 53; 54). / «**Может показаться странным**, что я не заметил этого раньше, но все вокруг меня было так необычно» (Уэллс, 1992, с. 32). Предугадывая недоверие слушателя к истории, Путешественник, как искусный рассказчик, с помощью апелляции к чувствам и оценкам слушателя достигает эффекта большей убедительности за счет тактичного «признания» своей непоследовательности.

Рассмотрим вторую группу – замены “*seem*” синонимичными выражениями и глаголами, представленными в 6 примерах. В эту группу вошли глаголы мнения и полагания “*vorkommen*” / представляться (1 контекст), “*meinen*” / «полагать» (3 контекста) и выражение с субъективной окраской “*jemandem sein*” / «чувствовать/чудиться» (2 контекста).

Глагол “*vorkommen*” / «представляться, являться» обладает как некажимостными, так и кажимостными значениями: “1. *als eine Art (oft unangenehmer Überraschung) sich ereignen*; 2. *(irgendwo) vorhanden sein*; 3. *(in bestimmter Weise) erscheinen, (von jmdm.) empfunden, wahrgenommen werden; (auf jmdn.) einen bestimmten Eindruck Machen*; 4. *a) nach vorn kommen*; *b) zum Vorschein kommen*” (DDB, 2010, S. 1062). / «1. происходить в каком-то виде (часто как внезапная неприятность); 2. где-либо иметься; 3. (в определенном виде) казаться, кем-то восприниматься, создавать определенное впечатление; 4. выходить вперед; обнаруживаться». Некажимостными считаются значения, связанные с явлением, появлением, обнаружением (значения под номерами 1, 2, 4). Значение 3 трактуется как «кажимостное» и семантически сопоставимое с “*erscheinen*” и “*scheinen*” / «казаться»: в данном случае “*vorkommen*” сочетается с прилагательным или со сравнительной конструкцией, вводящей сослагательное наклонение (DDB, 2010, S. 1062).

Во время первого полета на своем изобретении герой наблюдает за перемещением экономки миссис Уотчет. Из-за ускорения времени ее передвижение представляется Путешественнику неестественно стремительным, хотя он осознает, что «искажение» порождается быстротой машины. “*I suppose it took her a minute or so to traverse the place, but to me she seemed to shoot across the room like a rocket*” (Wells, 2017, p. 43). / “*Sie wird wohl eine Minute oder so gebraucht haben, um durchs Zimmer zu gehen, aber mir kam es vor, als schösse sie wie eine Rakete hindurch*” (Wells, 1900, S. 32). / «Для того чтобы перейти комнату, ей понадобилось, вероятно, около минуты, **но мне показалось, что она пронеслась с быстротой ракеты**» (Уэллс, 1992, с. 23). Английская инфинитивная конструкция в немецком переводе превращается в сложное предложение с придаточным сравнением, что маркируется союзом “*als*”, а наклонение меняется на сослагательное, что передает ощущение ирреальности происходящих действий: они ощущаются, как кинофильм (Карпужина, 2024b, с. 2303) или как греза.

“*Meinen*” как переводной эквивалент “*seem*” присутствует в 3 контекстах, где он состоит в связи с инфинитивом, как правило, в ситуациях ненадежного восприятия, т. е. когда что-то «видится» или «слышится». “*Meinen*” обладает эпистемическими значениями «мнения, мнения-предположения, предположения», умозрения и неэпистемическими значениями референции (называния) и уточнения (Дагужиева, 2007, с. 147). В его словарной дефиниции акцентируется наличие мнения: “1. *a) (in Bezug auf jmdn., etwas) eine bestimmte Ansicht haben*; *b) (als Ansicht) äußern*; 2. *(bei einer Äußerung, Handlung) o. Ä.) im Sinne haben*” (DDB, 2010, S. 637). / «1. а) (в отношении к кому-то, чему-то) иметь определенное **мнение**; б) выражать (как **мнение**); 2. (в выражении, действии и проч.) иметь в виду».

В приводимом далее примере Путешественник скрытно пересекает лес ночью и, как ему кажется, слышит некий тихий топот: “*Then I seemed to know of a pattering about me. I pushed on grimly*” (Wells, 2017, p. 86). / “*Dann meinte ich ein Trappeln um mich zu bemerken. Ich drang grimmig weiter*” (Wells, 1900, S. 137). / «Затем **я услышал позади топот**, но упорно продолжал идти вперед» (Уэллс, 1992, с. 77). Герой не может с точностью установить, продолжают ли морлоки погоню за ним или же ему чудятся тихие звуки из-за недосыпа и страха. Кажимость в оригинальном тексте служила для передачи ощущения мучительной неопределенности из-за противоречия между надеждой на мнимость опасности и объективным риском нападения. В немецком переводе ощущение «кажимости» переходит в статус «полагания», что несколько усиливает отчетливость слуховых ощущений. В русском тексте два простых предложения смыкаются в одно сложное, а неопределенность исчезает, так как перцептивный глагол совершенного вида «услышал» передает впечатления как достоверные.

Выражение “*jmdm. sein*” / «кому-то представляться» заменяло “*seem*” в 2 контекстах. Оно предстает как усеченная сравнительная конструкция “*jmdm sein, als (ob)*” / «кому-то представляться **как (будто)**», отражающая субъективное впечатление со спецификацией наблюдателя (DDB, 2010, S. 844). В приводимом отрывке уставший Путешественник незаметно для себя самого засыпает у костра и пробуждается, как ему представляется,

в следующее мгновение. Он видит, что костер погас, а враги уже схватили его. Временной период, субъективно ощущаемый героем как «миг», не совпадает с актуальной ситуацией, ведь костру потребовалось бы несколько часов, чтобы погаснуть. Кажимость передает чувство дезориентированности героя после внезапного погружения в сон и такого же резкого пробуждения. *“I seemed just to nod and open my eyes. But all was dark, and the Morlocks had their hands upon me”* (Wells, 2017, p. 87). / *“Mir war, ich nickte gerade ein und öffnete die Augen wieder. Aber alles war dunkel, und die Morlocken hatten die Hände auf mir”* (Wells, 1900, S. 140). / «Я, наверное, вздремнул, **но как мне показалось**, лишь на миг. Вокруг меня была темнота, и руки морлоков касались моего тела» (Уэллс, 1992, с. 79). Несовпадение субъективного ощущения и объективных обстоятельств углубляют чувство «растерянности» и неопределенности, что достигается в немецком переводе маркированием «субъективности».

В третью группу переводов, где «кажимость» утрачивается, входят 5 контекстов. В функции замены “*seem*” использовался глагол “*sein*” / «быть», репрезентировавший сомнительные объекты, качества, состояния, субъективные ощущения и суждения как достоверные факты реальности.

Так, во время ночной схватки с морлоками Путешественник чувствует, что его враги отступили и начали беспорядочно бегать. Как выясняется чуть позже, лесной пожар породил хаос и панику. До понимания истинной причины «красноты» движущихся белых объектов (морлоков) герой воспринимает эти визуальные образы как нечто странное и нелогичное: *“And their backs seemed no longer white, but reddish”* (Wells, 2017, p. 88). / *“Und ihre Rücken waren nicht länger weiß, sondern rötlich”* (Wells, 1900, S. 142). / «Спины их **казались уж не белыми**, а красноватыми» (Уэллс, 1992, с. 79). Только позже приходит осознание того, что красный цвет на спинах морлоков возник из-за ожогов и отблесков огня. Благодаря обнаружению «кажущейся аномалии» достигается новое знание об изменении в окружающем пространстве. В немецком переводе поэтапность процесса познания теряется, а наблюдатель лишь регистрирует факт «красноты». В русском переводе глагол «казаться» сохранен, что закрепляет идею постепенного осознания реальности «кажущегося».

Четвертая группа переводов представлена сослагательным наклонением как синтаксическим способом выражения кажимости. Такая стратегия присутствовала в 1 контексте, где использовалась форма конъюнктива II от глагола “*sein*”: *“It seems a pity to let the dinner spoil...”* (Wells, 2017, p. 38). / *“Es wäre schade, das Essen verderben zu lassen...”* (Wells, 1900, S. 22). / «**Досадно**, если обед будет испорчен...» (Уэллс, 1992, с. 16). Один из гостей, Редактор, сожалеет о том, что хозяин припозднил, и тактично намекает, что стоит приступить к трапезе без Путешественника. И в оригинале, и в немецком переводе кажимостная модальность выполняет суггестивную функцию в коммуникации между персонажами, сохраняя оттенок тактичности. В русском эквиваленте производится замена «*seem* + инфинитив» на эмотивную единицу («досадно») с синтаксическим преобразованием предложения в сложное. Главная безличная часть с наречием «досадно» вводит условное придаточное с союзом «если». Указание на нежелательную будущую возможность (негативные эмоции, порча ужина) не передает ту же вежливость, что и оригинал, но также служит для «скрытого» призыва к принятию пищи.

Категория кажимости в русском переводе «Машины времени»

Стратегии перевода “*seem*” в русском разделены на четыре группы: 1) полно-эквивалентные (конгруэнтные) глаголы «казаться», «показаться», «оказаться» (52 контекста); 2) синонимичная лексика (15 контекстов); 3) индикатив с сохранением отдельных признаков “*seem*” (сравнения, неопределенности и проч.) (11 контекстов); 4) использование синтаксических конструкций для передачи «двойственности» и противоречия (2 контекста). В русском тексте, как и в немецком, доминирует стратегия «полных соответствий». В 52 контекстах (65%) “*seem*” переводится несовершенной формой «казаться» (35 контекстов) или совершенными формами «показаться» (16 контекстов), «оказаться» (1 контекст).

В отличие от немецкого, русский перевод не достигает того же уровня синтаксического параллелизма. Далее рассматриваются синтаксические трансформации, связанные с первой группой переводов – в предложениях с «казаться», «показаться», «оказаться». “*Seem*” соединяется с инфинитивом в 31 контексте, что создает переводческую проблему, так как русский «казаться» не сочетается с инфинитивом (*«казаться двигаться»). Для решения этой задачи в 17 контекстах «казаться» выступил в иной синтаксической конструкции, а в 14 контекстах “*seem*” заменился неконгруэнтным глаголом-синонимом.

В 10 контекстах при синтаксической трансформации в структуру предложения включалась обособленная вводная конструкция, а в 7 контекстах формировалось сложноподчиненное предложение с придаточным изъявительным. Следующий отрывок – характерный пример замены инфинитива вводной конструкцией, где обособленное запятыми слово «казалось» сохраняло модальную окрашенность высказывания, не усложняя предложение придаточным: *“The Time Traveller did not seem to hear”* (Wells, 2017, p. 39). / «Путешественник по Времени, **казалось**, не слышал вопроса» (Уэллс, 1992, с. 17). Сложное предложение, как вариант перевода инфинитивной конструкции, отражая кажущуюся «недостоверность» впечатления, усложняло логическую форму высказывания: *“The stars in the sky were intensely bright and seemed to me to twinkle very little”* (Wells, 2017, p. 96). / «На небе горели необычайно яркие звезды, и **мне казалось**, что они почти перестали мерцать» (Уэллс, 1992, с. 89).

Что касается конструкции «*seem* + прилагательное/причастие», то в 13 контекстах ей соответствовала копула «казаться + прилагательное», в 6 контекстах происходила замена на вводную конструкцию, в 1 контексте – на связку «казаться + существительное». В кажимостной рамке прилагательное выражает приблизительное, ошибочное, почудившееся качество. В приводимом примере «серость» окружения предстает как воображаемое свойство из-за болезненного состояния наблюдателя: *“Everything still seemed grey, but presently I remarked*

that the confusion in my ears was gone” (Wells, 2017, p. 45). / «Все вокруг по-прежнему **казалось** серым, но вскоре я почувствовал, что шум в ушах прошел...» (Уэллс, 1992, с. 25). Как раскрывается позже, Путешественник очутился на лужайке среди цветов, травы и деревьев, то есть среди ярких зеленых объектов. Резкая остановка машины времени вызвала стресс, смятение, «помутнение в глазах» у героя, из-за чего он ошибочно воспринимает окружение как нечто однотонное и серое.

Показателен пример перевода «*seem + прилагательное*» парентезой, где вводная часть помещается прямо перед прилагательным для маркирования кажимостного модуса: “*They **seemed distressed** to find me, my arm against the overturned pillar, peering down the well*” (Wells, 2017, p. 67). / «Они, **казалось, очень огорчились**, увидя, что я заглядываю в колодезь, опираясь на упавшую колонну» (Уэллс, 1992, с. 53). Расстройство элов связано с тем, что герой исследует люки, ведущие к хищным морлокам. Путешественник, еще не подозревая о существовании этой опасности в «райском» будущем, не находит объяснения для такой резкой и будто бы необоснованной реакции. Лишь позже попытка истолковать странное поведение элов приблизит героя к истине.

В случае единственного перевода конструкции “*seem + прилагательное*” связкой «казаться + существительное» решение переводчика объясняется невозможностью использовать соответствующее русское прилагательное: “*She always **seemed to me, I fancy, more human than she was, perhaps because her affection was so human***” (Wells, 2017, p. 80). / «Она всегда **казалась** мне более человеком, чем была на самом деле, может быть, потому, что ее привязанность ко мне была такой человеческой» (Уэллс, 1992, с. 69). Прилагательное “*human*” используется в значении “*having the attributes of man as opposed to animals, divine beings, or machines*” (CD, 2011, p. 803). / «обладающий качествами человека, в отличие от животного, божеств или машин». Русские прилагательные «человечный», «человеческий», определяются как «достойный человека, отзывчивый, гуманный» (ТСРЯ, 1999, с. 879), что дает оценку «хорошему человеку», но не соответствует смыслу оригинала. Уина действительно внешне напоминает собой маленького, несмышленного человеческого ребенка, однако настоящие качества человека, ярко выраженные у Путешественника, – способность к труду и творчеству, социальная активность, абстрактное мышление, воля и независимость – у нее отсутствуют. Достоверно не известно, насколько сильно элои утратили человеческие черты, однако герой тяготеет к выводу об их регрессе до животного состояния.

Вторая группа состоит из 15 элементов, разделяясь по семантическому принципу на четыре подгруппы: 1) сравнительные конструкции (2 контекста); 2) использование вводных обособленных конструкций с эпистемическим или эвиденциальным статусом (4 контекста); 3) перцептивные глаголы (6 контекстов); 4) введение маркеров неопределенности, приблизительности, незнания в виде частиц, местоимений, а также лексик со значением «сомнения» (3 контекста). Неконгруэнтные переводы в значительной мере конкретизировали, значение “*seem*”, выдвигая на первый план тот или иной его контекстуальный оттенок. Рассмотрим выделенные подгруппы подробнее.

Первую подгруппу образуют сравнительные конструкции с союзами «как будто» (Уэллс, 1992, с. 12), «словно» (Уэллс, 1992, с. 26). Такая замена наблюдалась в 2 контекстах для передачи “*seem*” с инфинитивными конструкциями и для решения проблемы сочетаемости. Явления кажимости и сравнения близки друг другу (Каверина, 2011, с. 32). Если кажимость формируется на основе сравнения, то она используется для «семиотизации» и толкования поведения человека (Арутюнова, 1999, с. 835). В приводимом фрагменте герой демонстрирует гостям эксперимент с маленьким прототипом машины времени, однако их отношение к его открытию двойственно: с одной стороны, модель изобретения вызывает любопытство и удивление, с другой стороны, научный эксперимент воспринимается с недоверием, как сомнительный фокус. Общий подозрительный настрой выражается в нерешительности Психолога высказать свой скепсис напрямую: “*The Psychologist **seemed about to speak to me, but changed his mind***” (Wells, 2017, p. 36). / «Психолог **как будто хотел что-то сказать мне, но передумал**» (Уэллс, 1992, с. 12). “*Seem*” заменяется сравнительной частицей «как будто», выражающей «сомнение, неуверенность» (ТСРЯ, 1999, с. 260, 62). Повествователь, один из гостей, судит о реакциях и мыслях окружающих людей его круга по внешним знакам, лишь догадываясь о внутренних причинах видимых действий.

Вторая подгруппа объединена идеей обособления модального элемента, его «вклинивания» в структуру предложения на независимой основе. Для передачи кажимостного значения использовались вводная конструкция с эпистемическим значением «по-видимому» в 3 контекстах (Уэллс, 1992, с. 25, 31, 78), и эвиденциальная конструкция «таким образом» в 1 контексте (Уэллс, 1992, с. 55). Модальное слово «по-видимому» обозначает «неуверенное утверждение», нечто, что «кажется» (ТСРЯ, 1999, с. 82, 259). «Таким образом» выражает финальный этап логического заключения – вывод, некое «следовательно» из посылок (ТСРЯ, 1999, с. 788). Данные модальные маркеры информируют о доводе как источнике знания, подчеркивая его относительный характер через выражение некатегоричности.

В следующем примере Путешественник перемещается в мир будущего и пытается оценить окружающую обстановку: “*I was on what **seemed to be a little lawn in a garden...***” (Wells, 2017, p. 45). / «...я находился, **по-видимому**, в саду...» (Уэллс, 1992, с. 25). Место, куда он прибыл, на самом деле не было садом, но новой экосистемой, продуктом длительной селекции. Первое положительное впечатление не дает надежное основание для суждения, ведь мнимая «утопия» на самом деле скрывает опасный подземный мир морлоков, на что намекает и Путешественник-рассказчик, переживший приключение. По этой причине красота, гармония, и ощущение «райского сада» представляют собой обман, «видимость».

Третью подгруппу эквивалентов “*seem*” составляют глаголы восприятия (6 контекстов). В 2 контекстах глаголы относились к слуху – «услышал» (Уэллс, 1992, с. 77), «слышался» (Уэллс, 1992, с. 78), а в 4 контекстах квалифицировали зрение – «увидел» (Уэллс, 1992, с. 26), «не было видно» (Уэллс, 1992, с. 40), «заметил» (Уэллс, 1992, с. 44),

«наблюдать» (Уэллс, 1992, с. 90). Перцептивные глаголы имплицитно заключают в себе субъективный компонент, очерчивая фигуру наблюдателя, формирующего ситуацию «непосредственного восприятия» (Муравьева, 2016, с. 150). В данном примере значение неопределенности усиливается вынужденной опорой на слух, так как герой находится в темноте без источника света, на что обращает внимание конкретная лексика, апеллирующая именно к слуху “*stir*” / «шевеление», “*murmur*” / «бормотать»: “*The wood behind seemed full of the stir and murmur of a great company!*” (Wells, 2017, p. 86). / «В лесу, позади нас, слышался шум и бормотание огромной толпы» (Уэллс, 1992, с. 78).

В четвертую подгруппу синонимичных выражений, заменяющих “*seem*” включены единицы со значением неопределенности и приблизительности знания, а также незнания. В эту подгруппу входят неопределенно-личное местоимение «какое-то» (Уэллс, 1992, с. 48), модальное слово «скорее» (Уэллс, 1992, с. 45), выражающее неточность и грубое измерение, а также глагольное отрицание с эпистемической квалификацией «не знаю» (Уэллс, 1992, с. 64). Выражение «не знаю» в приводимом примере подчеркивает интуитивный характер познания, вытекающий из сиюминутного впечатления, а не из конкретных рационально-логических построений: “*And suddenly there came into my head the memory of the meat I had seen in the Underworld. It seemed odd how it floated into my mind...*” (Wells, 2017, p. 76). / «Я неожиданно вспомнил о мясе, которое видел в Подземном Мире. **Не знаю, почему мне это пришло в голову...**» (Уэллс, 1992, с. 64). Выражение «не знаю» отражает не только неполноту знания, но и нежелание осмыслить в причины и истоки «незваных» образов. В силу викторианских этических убеждений, веры в «прогресс» и личной приязни к злоям, Путешественник не желает признать то, что на подсознательном уровне он уже понял: потомки рабочего класса, морлоки, питаются потомками высшего класса, элоями. «Всплывающие» воспоминания, кажущиеся случайными, на самом деле ведут его к истинному ответу, который он не желает принимать как действительность.

В третью группу распределены глаголы, чье наполнение фактивно и не относится к кажимости, однако ситуативный контекст подразумевает субъективность. Индикатив в русском переводе появляется 1) в ситуации движения и изменения, имплицитно указывающих на неопределенность; 2) в безличных конструкциях, указывающих на эмоции или чужое слово.

Обосновано решение переводчика сохранить особенности динамичного повествования, так как “*seem*” часто появляется в контекстах, связанных с перемещением на машине времени, а также в опасных и напряженных ситуациях, например при столкновениях с морлоками. В качестве эквивалента “*seem*” использовались лексемы, связанные с началом, прекращением или продолжением движения – «изменялась» (Уэллс, 1992, с. 24), «исчезли» (Уэллс, 1992, с. 23), «бежали» (Уэллс, 1992, с. 79), «ползали» (Уэллс, 1992, с. 88), «замерла» (Уэллс, 1992, с. 86).

Опыт путешествия во времени вызывает дискомфорт и дезориентацию, а кажимостный глагол усиливает у читателя ощущение напряжения и неясности. Использование машины времени «создает необычные условия восприятия, препятствующие адекватной перцепции», что порождает ощущение «иллюзорности» и «искажения» видимого (Карпухина, 2024b, с. 2303). При первом полете на машине Путешественник не осознает, что движется с высокой скоростью, ошибочно приписывая свойство «аномального» движения лаборатории: “*The dim suggestion of the laboratory seemed presently to fall away from me...*” (Wells, 2017, p. 43-44). / «Скоро **смутные очертания моей лаборатории исчезли...**» (Уэллс, 1992, с. 23). В русском переводе включение вводного элемента снизило бы ощущение динамики, а значение неопределенности компенсируется контекстуально, наречием «смутные», т. е. «неясные, неотчетливые» (ТСРЯ, 1999, с. 737), существительным «очертания», т. е. «вид, образуемый линиями» (ТСРЯ, 1999, с. 487), а в данном случае – фрагментарный и «кажущийся».

Идея изменения совмещалась с номинацией нестабильных эмоциональных состояний, особенно страха, связанного с присутствием морлоков или их образом в воспоминании: «пришла в ужасное волнение» (Уэллс, 1992, с. 58), «пугал» (Уэллс, 1992, с. 59). В рассматриваемом примере кажимостный глагол опускается из-за применения стратегии антонимического перевода: “*...they did not seem to have any fear of me apart from the light*” (Wells, 2017, p. 72). / «...**их пугал только свет**» (Уэллс, 1992, с. 59). Герой оценивает внутреннее состояние морлоков по их внешнему виду. Враги, как догадывается Путешественник, по своей природе не пугливы, но их отвращает свет, вызывающий у них болезненную реакцию.

Во второй подгруппе глагол “*seem*” заменялся безличными конструкциями с эмотивным значением – «досадно» (Уэллс, 1992, с. 16), «было тяжело» (Уэллс, 1992, с. 81); или со ссылкой на «всеобщее мнение» – «говорят» (Уэллс, 1992, с. 79). Пример демонстрирует, что “*seem*” отсылает к общедоступному знанию, актуализируя эвиденциальное значение: “*The strange exultation that so often seems to accompany hard fighting came upon me*” (Wells, 2017, p. 88). / «Мною овладело то странное возбуждение, которое, **говорят**, так часто приходит во время боя» (Уэллс, 1992, с. 79). Путешественник не осознает причин двойственной реакции на битву – совмещение иррациональной радости (“*exultation*”), и закономерного страха. Единственное объяснение приходит из внешнего источника – из «слухов» о характерности таких чувств в момент опасности.

В состав четвертой группы включены 2 контекста с синтаксическими трансформациями, в одном из которых изменилось наклонение, а в другом – союзная связь. В следующем примере английская модальная обособленная типе конструкция передается в русском восклицательной обособленной императивной конструкцией, значительно усиливающей экспрессивность речи: “*Their eyes were large and mild; and – this may seem egotism on my part – I fancied even that there was a certain lack of the interest I might have expected in them*” (Wells, 2017, p. 48). / «Глаза большие и кроткие, но – **не сочтите это за тщеславие!** – в них недоставало выражения того интереса ко мне, какого я был вправе ожидать» (Уэллс, 1992, с. 28). Повелительное наклонение, как и модальная фраза “*may seem*” не только выражает вежливость и стремление автора к тактичности, но и имплицитно выполняет прагматическую функцию убеждения.

Сравнение немецкого и русского переводов свидетельствует о подобию стратегий для передачи кажимости: использовались кажимостные глаголы, синонимы со значением субъективности, инструментарий синтаксиса и контекста. Русский текст, в отличие от немецкого, демонстрирует большую долю расхождений с оригиналом в плане синтаксиса и лексики. Через замены и опущения актуализировались отдельные признаки кажимости: тактичность, сравнение, неполнота знания, субъективизм и пр.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Глаголы “*seem*”, “*scheinen*” и «казаться» обнаруживают ряд схожих свойств, обусловленных их принадлежностью к функционально-семантической модусной категории «кажимость», наблюдаемых в плане семантики, употребления и валентности. Подтверждено, что кажимостные глаголы частотны в контекстах познания, затрудненного вследствие болезненности наблюдателя, темноты окружения, движения объекта, самообмана, неизвестности, недоверия. Высказывания с кажимостью окрашены субъективно, так как выражают личное мнение, полагание, оценку знания и его источника.

Проанализированный материал позволяет заключить, что в русском и немецком переводах используются четыре вида стратегий передачи глагола “*seem*”, которые могли использоваться совместно: 1) перевод соответствующим кажимостным глаголом; 2) лексическая замена с выдвиганием контекстуально значимого признака; 3) опущение, с переходом в модальность достоверности или с контекстуальной компенсацией; 4) синтаксическая замена.

Количественно доминирует стратегия подбора «конгруэнтного», полнозначного соответствия в виде кажимостного глагола – “(er)scheinen” (72,5%) и «(по)казаться/оказаться» (65%). Из-за родственной близости английского и немецкого языков (принадлежность западногерманской ветви языков) немецкий перевод сохраняет структурное подобие кажимостных глаголов на уровне синтаксических конструкций, в частности за счет инфинитивных структур. Для русского переводчика инфинитивы в сочетании с “*seem*”, наоборот, выступили в качестве переводческой проблемы, из-за чего было произведено больше синтаксических замен, что увеличило количество вводных конструкций и сложных предложений с глаголами «(по/о) казаться». В ряде «неконгруэнтных», модулятивных переводов подбирались синонимы, подчеркивающие определенный аспект оригинального английского глагола: субъективное мнение; сравнение; указание на сомнение в достоверности знания (эпистемическое значение) или на логический вывод как на источник знания (эвиденциальное значение); перцепция; неопределенность и приблизительность. При опущении в немецком переводе высказывание переходило в статус бытийственного и достоверного. В русском языке опущение совершалось в контекстах с динамичностью и эмоциональностью, что компенсировало потерю. В качестве синтаксических способов передачи “*seem*” использовались сослагательное и повелительное наклонение, что переводило высказывание с статус ирреальности или потенциальности.

Перспективы исследования категории кажимости видятся в изучении глаголов типа «казаться» в диахроническом и сравнительном срезе, что может обнаружить истоки категории кажимости. Потенциал имеет изучение универсальных, специфических и системных связей между глаголами типа «казаться» в разноструктурных, родственных и неродственных языках. Для уточнения функции кажимости в разных речевых произведениях актуальным предстает обращение к художественным и нехудожественным типам текста, устному и письменному регистрам.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
3. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.
4. Войслова С. С. Мир «кажимости» в русской и болгарской лингвокультурах: опыт лексикографического описания: дисс. ... к. филол. н. М., 2024.
5. Дагужиева М. А. Контексты функционирования и пресуппозитивно-имплицативные смыслы высказываний (на примере глагола *meinen*) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2007. № 4.
6. Евсева Е. Ю. Визуальная перцепция в свете модальности кажимости в романе Г. Уэллса «Человек-невидимка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20240287>
7. Каверина О. А. Роль союзов *as if / as though* в модусной категоризации действительности // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 3 (15).
8. Карпущина Т. П. Категория кажимости и ее репрезентация в новелле Герберта Уэллса “The Door in the Wall” // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024а. Т. 17. Вып. 3. <https://doi.org/10.30853/phil20240097>
9. Карпущина Т. П. Категория кажимости и ее функционирование в романе Герберта Уэллса “The Time Machine” («Машина времени») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024b. № 7. <https://doi.org/10.30853/phil20240328>

10. Карпухина Т. П. Категория кажимости как средство выражения логически нечёткого суждения в романе Герберта Уэллса “The Time Machine” («Машина времени») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024с. № 8. <https://doi.org/10.30853/phil20240400>
11. Муравьева Н. Ю. К вопросу о структуре семантического поля «перцептивность» в современном русском языке // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XIV Виноградовские чтения»: в 3 т. М.: Изд-во Московского педагогического университета, 2016. Т. I / отв. ред. Е. С. Ярыгина, Е. Ю. Геймбук.
12. Нестеренко О. В. Феномен «насильственного перевода» (на материале англоязычных переводов поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2.
13. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. Изд-е 2-е. М.: Языки славянской культуры, 2019.
14. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости: монография. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2006.
15. Синицына Н. С. Глаголы «кажимости» как способ передачи нечеткости суждения // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67).
16. Трошина А. В. Перевод как средство прояснения значения в многозначном глаголе (на материале конструкций с английским глаголом to seem) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2007. Вып. 1-2.
17. Уржа А. В. Интерактивные эгоцентрики в русских переводах англоязычной прозы: семантика, прагматика, интерпретация // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 1 (106).
18. Уржа А. В. Семантика и прагматика показателей неопределенности – сквозь призму русских переводных повествовательных текстов // Мир науки, культуры и образования. 2023. № 1 (98).
19. Хельмянова Ю. С. Синтаксические составляющие категории кажимости в русском языке («Капитанская дочка» и «Дубровский» А. С. Пушкина) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 149.
20. Шакирова Р. Д. Эпистемическая функция глагола scheinen // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. № 12.
21. Aijmer K. Seem and evidentiality // Functions of Language. John Benjamins Publishing Company. 2009. Vol. 16. № 1.
22. Baschewa E. Zur problematik des Deutschen verbs scheinen als subjektsatzselegierendes prädikat // Contrastive Linguistics. XLIV. 2019. № 2.
23. Diewald G., Smirnova E. Evidentiality in German: Linguistic Realization and Regularities in Grammaticalization. Göttingen: Hubert & Co. GmbH & Co. KG (De Gruyter Mouton), 2010.
24. Lampert G. How and why seem became an evidential // Re-Assessing Modalising Expressions: Categories, Co-text and Context / ed. by P. Hohaus, R. Schulze. Hannover: Leibniz University, 2020.
25. Mortelmans T. Indirect evidentiality in Dutch and German: a contrastive corpus study of the seem-type verbs schijnen and schienen // Kalbotyra. 2016. № 69.
26. Pafel J. Scheinen + Infinitiv: Eine oberflächengrammatische Analyse // Wissen, Wahrnehmen, Glauben: epistemische Ausdrücke und propositionale Einstellungen / hrsg. von G. Falkenberg. Tübingen: Niemeyer, 1989.
27. Suvin D. “The Time Machine versus Utopia” as a Structural Model for Science Fiction // Comparative Literature Studies. 1973. Vol. 10. № 4.
28. Usonienė A., Šinkūnienė J. A cross-linguistic look at the multifunctionality of the English verb seem // English Modality: Core, Periphery and Evidentiality / ed. by J. I. Marín Arrese, M. Carretero, J. Arús, J. van der Auwera. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.

Информация об авторах | Author information

RU Евсева Елизавета Юрьевна¹
 Карпухина Тамара Петровна², д. филол. н., доц.
^{1,2} Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

EN Elizaveta Yurievna Evseeva¹
 Tamara Petrovna Karpukhina², Dr
^{1,2} Pacific National University, Khabarovsk

¹ 012163@togudv.ru, ² tkarpukhina1@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.05.2025; опубликовано online (published online): 27.06.2025.

Ключевые слова (keywords): категория кажимости; Герберт Уэллс; роман «Машина времени»; модальный глагол “seem”; переводные эквиваленты глагола “seem” в немецком и русском языках; category of seeming; Herbert Wells; novel “The Time Machine”; modal verb “seem”; translation equivalents of the verb “seem” in German and Russian.